

В комнате госпожа Ю, накинув на плечи тёплую стёганую одежду, сидела на постели и при тусклом дневном свете, проникавшем снаружи, что-то бережно вышивала.

Миска с едой, которую давеча принесла старуха Лю, всё ещё стояла на прикроватном ларе. От неё поднимался густой пар — видать, положили совсем недавно.

Сы Вэй легонько сжал пушистый загривок щенка, сидевшего у него за пазухой, подошёл ближе и опустил на край постели. Он тепло улыбнулся:

— Матушка.

Лицо госпожи Ю выглядело куда лучше, чем в день его ухода: по крайней мере, сошла былая мертвенная бледность, да и осунувшиеся черты теперь понемногу разгладились, возвращая прежний живой облик.

Услышав голос сына, она невольно улыбнулась, но, подняв взгляд, о чём-то вспомнила, и улыбка её мгновенно угасла.

Ссадив щенка на колени, Сы Вэй заглянул в корзинку с шитьём, выудил оттуда маленькие ножницы и, скинув куртку, принялся аккуратно распарывать шов на подкладке.

Придерживая куртку за подол, он перевернул её над постелью. С тихим, дробным звоном на лоскутное одеяло посыпались десятки мелких, рубленых кусочков серебра, раскатившись по подолу госпожи Ю.

— Вот, матушка, гляди. Это всё я заработал за эти дни.

При виде серебряной горки, выросшей прямо перед ней, госпожа Ю опешила. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

Долгое время она молча разглядывала блестящие кусочки, а затем, так и не притронувшись к нежданному богатству, строго посмотрела на сына. Она была глубоко встревожена:

— А теперь говори мне всю правду. Где ты пропадал столько дней? И откуда взялись эти деньги? И почему эта старуха Лю вдруг пришла ко мне в услужение?

Семья Ю когда-то не знала нужды: до великого бегства у неё были собственные служанки и няньки. Но потом... война в Северных землях, падение заставы Шао, разорённый город Цзялин.

Госпожа Ю видела жизнь и знала ей цену. Но как ни крути, Сы Вэй был всего лишь девятилетним ребёнком.

Сын исчезает на полмесяца, затем присылает проворную помощницу ухаживать за больной матерью, а под конец возвращается с целой пригоршней серебра...

Рука госпожи Ю, сухая и всё ещё слишком горячая от недолеченного жара, дрогнула. Она прикоснулась к щеке сына:

— Скажи мне... что всё это значит?

По её лицу одна за другой покатались слёзы.

— Ты говорил, что устроился на кухню в Башню Широких вкусов. Но невестка Чэн порасспросила своего племянника, который служит там разносчиком на побегушках... На кухне в таком заведении отродясь лишних мест не бывало!

Сы Вэй поспешно накинул распоротую куртку и принялся суматошно искать в корзинке для шитья чистый белый лоскут, ещё не тронутый узором. Вытерев матушке слёзы, он ласково заговорил:

— Ну полно, матушка, не плачь. Виноват я, глупый, негоже было таиться от тебя... Только когда уходил, сам ведь не знал, выгорит ли что-нибудь. Не хотел тревожить тебя, пока ты так тяжело хворала.

Госпожа Ю забрала у него платок, сама утёрла лицо и вдруг ухватила Сы Вэя за плечо, сиюсь стянуть с него платье:

— Да откуда же у тебя эти деньги? Невестка Чэн сказывала, будто старуха Лю, которая у нас теперь хозяйничает, раньше прислуживала в таких... в таких местах...

Она запнулась, не в силах выговорить постыдное слово, но Сы Вэй и без того прекрасно понял, к чему она клонит.

Позабытый щенок, тихонько поскуливая, скатился на постель. Ткнувшись носом в тёплые складки одеяла, он укрылся в щёлке и затих, пока госпожа Ю упорно пыталась раздеть сына.

— Матушка... Ну матушка! Ну о чём ты только думаешь!

Сы Вэй не знал, то ли смеяться, то ли плакать. В прошлой жизни он прожил больше двадцати лет, да и в этой уже соображал получше любого взрослого. В младенчестве он ещё позволял матери мыть себя, но как только подрос, сразу стал запирается. А теперь она устроила ему допрос с полным осмотром.

Однако совладать со встревоженной матерью было невозможно. Сы Вэю пришлось безропотно

снести дотошный осмотр. Убедившись, что на теле сына нет ни синяков, ни ран, госпожа Ю наконец облегчённо перевела дух.

Только тогда она согласилась выслушать его. Сы Вэй запахнул платье, придвинул к постели низкий столик, переставил на него остывающую еду со шкафчика и, взяв палочки, принялся неторопливо рассказывать о своей службе в Башне Весенней реки.

Конечно, всю правду он открывать не стал. Объяснить тёмной деревенской женщине тонкости сценического освещения и законы художественного грима было делом безнадёжным, а потому он назвал простым «искусником по части девичьего убранства», которого наняла хозяйка заведения.

Госпожа Ю слушала, недоверчиво хмурясь:

— Тоже мне выдумал — «искусник убранства»... Отродясь таких не бывало. Вышивальщица — она и есть вышивальщица, а ты вечно сочиняешь невесть что. В подобных домах девицы толк в белилах да румянах получше нашего знают. Как только ты их вокруг пальца обвёл?.. Право, ума не приложу, как тебя не раскусили.

Сы Вэй лишь улыбнулся. Ну как ей объяснить, что он просто знал, какой образ под какими свечами заиграет нужными красками? Его познания в косметике прошлых эпох и законы эстетики сделали своё дело: пусть сам он красить толком не умел, зато направлял чужие руки без промаха.

Заметив, что матушка заметно оживилась и даже начала подшучивать, Сы Вэй перевёл разговор на её здоровье.

Эта болезнь едва не пустила их по миру. Чтобы оплатить бесконечные визиты бродячих лекарей да горькие снадобья, ушли все скудные сбережения, накопленные за долгие годы. Пришлось даже распродать то немногое, что оставил покойный отец, включая те несколько му земли.

Простому человеку хворать было не по карману.

Три или пять лянов серебра — вот и всё, что Сы Вэй сумел скопить за много лет, усердно разводя кур. На рынке за три яйца давали всего два медных гроша, а живая курица стоила двадцать семь монет. Если вычесть расходы на скудное пропитание, их общие сбережения казались сущими крохами, собранными по одному медяку.

А ведь каждая горсть целебных трав стоила недёшево.

Один сбор обходился без малого в сотню медных монет. И хватало этого запаса всего на две-три варки. Первую воду обычно сливали — лишь обдавали травы кипятком, чтобы смыть пыль и

грязь. Настоящую силу настой набирал во второй раз. На третий — целебные свойства уже шли на убыль, а четвёртая да пятая варка становились почти неотличимы от простой воды.

Выходило, что одного мешочка снадобья при самой строгой экономии хватало дня на три. А матушка угасала уже больше полугода. Семья оказалась на грани голодной смерти.

Упомянув о своей болезни, госпожа Ю тяжело вздохнула и посмотрела с грустью:

— Тут и впрямь старуха Лю подсобила. Привела лекаря из самого Зала Спасения мира. Тот сразу руками развёл: говорит, у меня обычная лёгочная простуда от глубокого холода, а прежний коновал лечил её как лёгочную гниль от внутреннего жара. Снадобья только кровь сушили да силы отнимали, оттого я и поправиться не могла.

— Вот эту варку закончу, и лихорадка уйдёт совсем. Правда, лекарь сказал, что потом надо будет снова ему показаться, чтобы он выписал другие травы — кровь очистить да силы вернуть.

Она умолчала о самом страшном: лекарь из Зала Спасения мира прямо заявил, что если бы они продолжили пить прежние снадобья, к весне её бы уже не стало.

Сы Вэй замер, крепче сжав ладонь матушки.

Немного помолчав, он посмотрел на кучку серебра, рассыпанную по постели, и тихо произнёс:

— Матушка, а давай переберёмся в город?

Госпожа Ю вздрогнула и недоумённо уставилась на него:

— С чего вдруг такие мысли?

Она посмотрела на серебряные крупы и горько усмехнулась:

— Глупый ты мой... Разве в городе жить просто? Там за каждую щепку платить надо, за каждую горсть зерна. Кабы колодца во дворе не было, так и за глоток воды медяк спросят.

Сгребая серебро в ладонь, госпожа Ю достала из изголовья кровати небольшой кованный ларчик с замком, ссыпала туда добычу сына и покачала головой:

— Полно тебе. Старуха Лю сказывала, что после Нового года твоя служба кончится. Серебра у нас теперь вдосталь, присмотрим хорошую землю взамен проданной... Если успеем до того, как сойдёт снег, к весне уже засеём первую пашню.

Сама госпожа Ю в поле работать не могла, а Сы Вэя, одетого девчонкой, она всегда держала при себе, оберегая от чужих глаз. Да и сил у девятилетнего мальчишки для крестьянского труда не хватало.

Раньше те земли, что достались им после раздела отцовского имущества, они либо сдавали в аренду соседям за долю от урожая, либо нанимали работников на время жатвы. В деревне Линьвань это всё равно выходило выгоднее, чем покупать зерно в городских лавках.

Она уже вовсю мысленно распределяла доходы, но Сы Вэй лишь мягко возразил ей:

— Эти деньги — только половина платы за прошлые труды. Вторую часть, куда большую, хозяйка выдала мне наперёд. Сразу после праздников, пятого числа первого месяца, мне нужно вернуться в Башню Весенней реки.

Она так и застыла с открытым ларцом:

— Зачем ещё?

Тогда Сы Вэй рассказал ей про Праздник фонарей, который будут отмечать в середине первого лунного месяца, и про Праздник прогулочных лодок на озере Цинпин.

— Из деревни Линьвань до города путь неблизкий, — продолжал Сы Вэй. — Снадобья твои из Зала Спасения мира скоро кончатся, надо будет снова звать лекаря. А дорога сюда — два часа пешком, да и на телеге не разгонишься. Ради одного осмотра лекарь потеряет целый день, а у него в лавке больных полно.

— К тому же, если мы снимем жильё в городе, я смогу каждый вечер возвращаться домой. Ты не представляешь, матушка, каково мне в этой Башне... Приходится тесниться в одной комнате с малолетними девчонками. Ни переодеться толком, ни умыться — всё время прячешься, улущаешь минутку, чтобы никто не догадался. У меня там и вздохнуть свободно не получается.

Она притихла. Погладив сына по голове, она тихо вздохнула:

— Дай мне подумать, сынок...

Сы Вэй послушно кивнул.

Он не стал говорить матушке о главном: в Линьвани шила в мешке не утаишь. Одинокая женщина с «дочерью» на руках всегда была как на ладони. Хотя вдовых в деревне хватало, но бездетные обычно быстро выходили замуж повторно, а те, у кого подрастали дети, держались за родню мужа.

Их же маленькая семья, оставшаяся без мужского плеча, давно вызывала у соседей пересуды. А тут девчонка пропадает на полмесяца... Сначала думали — на кухне трудится, но деревенские кумушки быстро разузнали, что в Башне Широких вкусов никакого Сы Вэя нет.

Да и появление старухи Лю не укрылось от чужих глаз. В глуши сплетни разносятся быстрее ветра: у каждого найдётся сват, брат или кум, готовый разузнать всю подноготную.

Сы Вэй не хотел, чтобы до матушки дошли грязные слухи. Лучше увезти её подальше, пока она сама не извелась от деревенской молвы.

Видя, что госпожа Ю колеблется, Сы Вэй решил не настаивать — во всём нужна мера. Чтобы отвлечь матушку от невесёлых мыслей, он достал из принесённого узелка глиняные баночки и бумажные пакетики с притирками, которые сам приготовил для красавицы Цзиньли. Выкладывая их на столик, он принялся увлечённо рассказывать, как правильно подводить глаза, подкрашивать ресницы и накладывать тончайшие румяна.

Госпожа Ю со скромным любопытством разглядывала диковинные приспособления. Вскоре она потянулась к старой медной подставке с зеркалом и, напрочь позабыв о недавних тревогах, принялась бережно пробовать новые краски на своём лице.

<http://bllate.org/book/18280/1766162>